

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.1.17>

Данилова Наталия Ксенофонтовна

"Территория идентичности" северных тюрков-саха: образы, символы, метафоры

В статье рассмотрены основные символические характеристики, участвующие в формировании локальной идентичности северных якутов-кочевников и скотоводов. Проанализированы метагеографические образы, концепты и мифы, выступающие как базовые единицы, характеризующие образ конкретной территории. На основе проведенного исследования составлен предварительный абрис территориальной идентичности северных якутов. Сформулирован тезис о том, что концепты СЕВЕР/ХОЛОД/ГОРА становятся ключевыми этнодифференцирующими маркерами и основой национально-культурного нарратива северных якутов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2020/1/17.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 1. С. 83-88. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2020/1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

Список источников

1. Балащенко Н. С. Каравайный обряд – основа подготовительного этапа свадьбы на Кубани (по материалам фольклорной экспедиции) // Актуальные проблемы регионоведения: материалы Всероссийской научно-практической конференции (27-28 апреля 2013 г.). Славянск-на-Кубани: Филиал Кубанского гос. ун-та в г. Славянске-на-Кубани, 2013. С. 188-192.
2. Балащенко Н. С. Хлеб в семейной обрядовой культуре Кубани // Ресурсы региона: духовная составляющая жизни общества: сборник трудов Всерос. науч.-практ. конференции (21-23 сентября 2018 г.). Славянск-на-Кубани: Филиал Кубанского гос. ун-та в г. Славянске-на-Кубани, 2019. С. 44-51.
3. Потебня А. А. Символ и миф в народной культуре / сост., подг. текстов и коммент. А. Л. Топоркова. М.: Лабиринт, 2000. 480 с.
4. Пропп В. Я. Русские аграрные праздники (опыт историко-этнографического исследования). СПб.: Terra – Азбука, 1995. 176 с.
5. Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5-ти т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1999. Т. 2. Д – К (Крошки). 704 с.
6. Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5-ти т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Междунар. отношения, 2004. Т. 3. К (Круг) – П (Перепелка). 704 с.
7. Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5-ти т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Междунар. отношения, 2012. Т. 5. С (Сказка) – Я (Ящерица). 736 с.
8. Сумцов Н. Ф. Символика славянских обрядов: избранные труды. М.: Восточная литература, 1996. 298 с.
9. Финько О. С. Концепт «хлеб» в традиционном свадебном обряде Кубани (на материале станицы Черноерковской) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Русская филология». 2011. № 3. С. 86-89.
10. Финько О. С. Растительная символика в кубанской свадьбе // Особенности функционирования и преподавания русского языка в полиэтническом регионе Северного Кавказа: материалы Международной конференции-семинара (г. Ставрополь, 21-25 сентября 2010 г.) / под ред. В. М. Грязновой. Ставрополь: Изд-во Ставро. гос. ун-та, 2010. С. 275-281.

Traditional Kuban Culture: Bread in Calendar Holidays of Winter – Spring Cycle

Balatsenko Natal'ya Sergeevna, Ph. D. in Philology, Associate Professor

Sartaeva Lyudmila Ivanovna, Ph. D. in Pedagogy, Associate Professor

Kuban State University (Branch) in Slavyansk-on-Kuban

nataliabalac@mail.ru; sartaeva60@mail.ru

The study is based on the materials gathered in 2017-2019 during ethno-linguistic expeditions to Krasnodar Territory settlements. The authors cite and interpret interviews with the traditional Kuban culture bearers. The linguo-culturological analysis of the informants' statements allows drawing conclusions on how bread (in the broadest sense – from grain to any baked goods) is used during calendar holidays of the winter – spring cycle.

Key words and phrases: traditional Kuban culture; calendar holidays of winter – spring cycle; bread; grain; baked goods.

УДК 94(571.56):[392:398.4]+908(571.56)
<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.1.17>

Дата поступления рукописи: 04.11.2019

В статье рассмотрены основные символические характеристики, участвующие в формировании локальной идентичности северных якутов-коневонов и скотоводов. Проанализированы метагеографические образы, концепты и мифы, выступающие как базовые единицы, характеризующие образ конкретной территории. На основе проведенного исследования составлен предварительный абрис территориальной идентичности северных якутов. Сформулирован тезис о том, что концепты СЕВЕР/ХОЛОД/ГОРА становятся ключевыми этнодифференцирующими маркерами и основой национально-культурного нарратива северных якутов.

Ключевые слова и фразы: северные якуты; идентичность; локальные культуры; сакральный ландшафт; символические образы.

Данилова Наталия Ксенофонтовна, к.и.н.

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера

Сибирского отделения Российской академии наук, г. Якутск

dan_nataliksen@mail.ru

**«Территория идентичности» северных тюрков-саха:
образы, символы, метафоры**

Территориальная идентичность – это переживаемое или осознаваемое чувство территориальной принадлежности человека, определенная субъективная социально-географическая реальность [4, с. 246]. Она связана со стереотипными установками восприятия, интерпретации и оценки человеком и группой социальных ситуаций

и событий [5, с. 29]. **Актуальность** её изучения связана с отмечаемым исследователями повышением значимости данного вида идентичности в массовом сознании жителей России, в том числе и в Республике Саха (Якутия) в начале XXI столетия. Так, 90-е годы прошлого столетия, повлекшие очень активные социальные перемены, стали эпохой этнического возрождения, этнической мобилизации: народы Советского Союза вступили на путь государственного самоопределения под лозунгами национального возрождения. В это время отмечается тесное этно-территориальное и социальное взаимодействие, актуализируется и выводится на первый план символическая идентификация с местом своего проживания.

Исторически якутский этнос (народ саха) подразделяется на три основные этнолокальные группы: центральную, вилюйскую и северную. Каждая локальная группа имеет свои хозяйственно-культурные особенности, свое мировосприятие, свои геокультурные символы и образы, в зависимости от этно- и культурогенеза, окружающего ландшафта и мировосприятия. В связи с этим интерес представляют символические образы и культурные коды, связанные с локальной группой северных якутов.

Целью исследования является выявление локальной идентичности северных якутов на основе историко-когнитивного анализа «образов территории», поскольку именно они моделируют пространственно-ментальную составляющую территориальной идентичности субэтнических групп. В самом общем смысле под образом территории понимается система взаимосвязанных символических образов, метафор, концептов и локальных мифов [4].

Научная новизна исследования заключается в том, что в статье впервые анализируются в историко-когнитивном контексте геокультурные образы и локальные мифы, которые сыграли ключевую роль в формировании идентичности северных якутов. При этом основной объединяющей константой выступает территория проживания.

Эмпирическую базу формируют полевые материалы, собранные в Верхоянском и Оймяконском улусах (2012-2014 гг.), и информация, полученная во время индивидуальных и групповых фокусированных интервью у выходцев из северных районов (Абыйский, Средне-колымский, Нижне-колымский, Момский улусы, 2012-2019 гг.).

Еще Г. В. Ксенофонтов в своем труде «Урангхай сахалар» впервые выделил функционирование на периферии пространственного ландшафта Якутии этнолокальных моделей субэтнических групп *северных* и *вилюйских* якутов. Область распространения северных якутов он обозначил как «Якутский Север» [6, с. 274] и отметил группу «полярных якутов», занимавшихся преимущественно охотой, рыболовством и оленеводством. Далее идею Г. В. Ксенофонтова развили в своем исследовании И. С. Гурвич [2] и С. И. Николаев-Сомоготто [11] и выделили группу «северных якутов-оленьеводов», осваивающих бассейны Оленека, Нижней Лены и прилегающих к ним районов.

Сейчас научные традиции о многокомпонентности якутского этноса, локальной идентичности и пограничной культуре, заложенные ими, продолжают в современных историко-этнографических исследованиях.

Согласно легендарным текстам, проникновение на Север представителей титульных якутских родов: кангаласцев, батулинцев и др., – связывается с эпохой *Тыгына* – мифологического персонажа, имеющего исторические корни. Переселение якутских родов из центральной якутской равнины в северные территории началось с наступления «*кыргыз юйэтэ*» – периода межродовых вооруженных конфликтов. В связи с этим считается, что колонизация выходцами из центрально-якутской равнины северных территорий началась задолго до прихода русских казаков в якутские земли.

Так, якутские племена, постепенно осваивая пути по северным рекам, превращались в магистральную культуру, и огромный таежно-тундровый и горно-таежный регион, принадлежавший ранее тунгусам и юкагирам, становится этнически якутским [12].

В природно-ландшафтных условиях Якутского Севера традиционная скотоводческо-хозяйственная структура быстро адаптировалась и трансформировалась под окружающую природную среду. Тесная связь с аборигенным населением и горный ландшафт определили формирование различных типов адаптивных систем природопользования, которые отразились на производственно-хозяйственной системе. И. С. Гурвич выделил три типа хозяйственных систем у северных якутов: *оленьеводов* – на севере-западе края; *охотников и рыболовов* – в низовьях рек Северного Ледовитого океана; *скотоводов* – в бассейнах Яны, Индигирки и Колымы [2, с. 179].

Упомянутые первыми исследователями «полярные якуты» и якуты-оленьеводы в силу различных социокультурных перемен в эпоху возрождения (90-е годы XX века) выразили осознанную принадлежность к другой этнической группе (анабарские – к долганам, оленекские – к эвенкам). Таким образом, локальную группу северных якутов составляют верхоянские, оймьяконские, колымские и др. разделяющиеся по территориальной группе якуты, занимающиеся скотоводством и коневодством. Приоритетным направлением хозяйственной деятельности остаются охота и рыболовство.

Коневодство и скотоводство в данном регионе имеют свои особенности, которые были обусловлены более суровыми природно-климатическими условиями, большей изолированностью и защищенностью населения от внешнего воздействия. Данный факт и способствовал лучшей сохранности и чистоте породы якутских коров и лошадей на Севере. Так, в северных районах имеются хозяйственные базы, в которых разводят исконно якутские породы коров и лошадей.

Метагеографический образ «Север/Хоту – холод»

Этнолокальная группа северных якутов расселена на огромном географическом пространстве, охватывающем крупные орографические объекты (Верхоянский хребет) и бассейны крупных речных систем Яны, Индигирки

и Колымы. Они объединены в общую локальную группу, обозначаемую как «*хотулар*» ‘северники’. Самоназвание «*хотулар*» относится и ко всем малочисленным народам Севера: эвенкам, эвенкам, долганам и т.д.

Северное/арктическое пространство обозначается термином «*Ужук Хоту дойду*» ‘Крайний Север’. Если «Крайний Север» есть конкретное географическое пространство, то концепт ХОТУ/СЕВЕР – это направление света и обозначает периферию освоенного пространства (Север Якутии, Русский Север, Северная Азия и т.д.). Кроме того, северный локус присутствует и в сельской топографии. Так, во многих якутских населенных пунктах и хозяйственно-промысловых угодьях есть свои пространственные локусы, расположенные на дальнем расстоянии от символического центра: «*хоту дэриэбинэ*» ‘северная деревня’, «*хоту алаас*», «*хоту сыһыны*», «*хоту тыа*» и т.д. [9].

«Север/Хоту» как географическое пространство в общей картине мира народа саха воспринимается как «чужой» негативный локус и имплицитно соотносится с холодным Нижним миром. Согласно мировоззренческим представлениям народа саха, Нижний мир находится на севере и представляется как страна вечного холода и зимы, неприступных скал и ледяных торосов. Каждую весну вместе с ледоходом уплывает в Северное море свергнутая туша Быка холода и души умерших людей [7, с. 43]. Неслучайно в смысловой контекст слова «холод» проецируются когнитивные образы с отрицательной символикой и негативной характеристикой. Так, например, про заболевшего человека говорят: «*тымныйбыт*» (букв.: ‘похолодел’), про умершего человека – «*сойбут*» ‘остыл’, про бесчувственного и безнравственного человека говорят «*тон киһи, муус киһи*» (букв.: ‘холодный человек’, ‘ледяной человек’); «*тонуй киһи*» (букв.: ‘мерзляк’ – неприветливый человек), «*тымныы холумтаннаах ыал*» (букв.: ‘семья с холодным очагом’, негостеприимная семья) и т.д.

Вместе с тем термин «хоту» (ср.: др.-тюркск. «*ходы*») – направление «вниз, внизу», нижний локус) используется также и в следующих значениях: «*сююрюк хоту*» ‘движение, совпадающее с направлением течения реки’; «*кини ыйаагын хоту*» ‘поступок, совершенный согласно его указу’; «*багам хоту, санаам хоту*» ‘по своему желанию’. Т.е. в смысловую нагрузку термина «хоту» также включены сквозные значения, в которых, можно сказать, эксплицируются представления о добровольном освоении северных территорий. Следует отметить, что направление «хоту» в своем символическом оформлении перекликается с метафорой счастья. В локальных мифах, прежде всего, делается акцент на то, что первые переселенцы двинулись на север *тус хоту* в поисках счастья, а путь на север указали бык, собака, лошадь – фауна, связанная с тюрко-монгольским миром. Представление «о счастливом и богатом северном крае» проецировано и в символических текстах загадок и сказок. По свидетельству информантов, то обстоятельство, что перелетные птицы улетали на север и возвращались оттуда «жирными», являлось признаком отдаленного и богатого края, поэтому их предки переселились с *Дойду сирэ* (Центрально-якутской равнины) на суровую, но прекрасную землю *Хоту дойду* (Северный край) [9]. На положительное качество северного направления влиял и бытийный код кочевников-всадников. Так, для лошади левая (северная) сторона генетически и эмоционально заложена как безопасное место, поэтому с левой стороны седлают, спешиваются и ведут лошадь. А правая сторона считается беспокойной и пугливой. У якутов сохранилась также и ориентация по лошади: левую сторону лошади, с которой садятся, называют «хоту», правую – «*от соххор*», перед – «*илин*», а зад – «*от аргас*». Среди полученной информации, преимущественно у коноводов, были и такие предположения, что древних саха на север повели именно лошади, своим чутьем уловив положительную энергетику. Следует отметить, что на севере в тайге охотники до сих пор пользуются тропами, оставленными древними всадниками, – «*былыргы ат суола*» ‘дорога древней лошади’ [Там же].

Таким образом, концепт ХОТУ/СЕВЕР выступает основным метагеографическим образом, объединяющим всех представителей локальной группы северных якутов. При этом образ коня как символ степной южной культуры выступает архетипической константой, моделирующей метагеографический образ Севера. Сложившаяся столетиями схема стереотипных представлений об арктическом пространстве и о Севере в целом как о «холодной и мрачной стране» берет свои истоки со времен царского режима, когда Крайний Север считался «пюрьмой без решеток», а затем усугубилась трагедией, связанной с ГУЛАГом и массовыми репрессиями.

Ребрендинг концептов СЕВЕР – ХОЛОД – ЗИМА

Концепт СЕВЕР в сочетании с концептом ХОЛОД в последнее время как метафора переживает второе рождение. Действительно, холодный климат воспринимается как источник дополнительных благ и возможностей для человечества. Так, ресурсы холода издревле использовались при хранении продуктов питания. А строганина из рыбы, замороженные печень, мясо с салом конины и жеребятины являются одними из самых деликатесных, узнаваемых и продвигаемых блюд национальной кухни и бренд-кодов народа саха. Существование ледников *булуус* в хозяйственном комплексе с устойчивой низкой температурой, которое в летнее время позволяет долгое хранение и запасание впрок продуктов питания, является одним из положительных бонусов жизнедеятельности якутян.

Существенное значение «ресурсы холода» имеют и в обеспечении населения сельских районов Якутии чистой питьевой водой. Некоторые сельские семьи с усовершенствованным ледником, особенно в северных районах, хранят там ледовые кубики и круглогодично пьют ледниковую воду. Считается, что именно холод является основным фактором долголетия у северных жителей, а также выступает индикатором естественного выживания. Согласно свидетельству информантов из северных районов, именно круглогодичное употребление ледниковой воды способствует крепкому здоровью и долголетию [Там же].

Одним из наиболее ярких примеров ребрендинга концепта ХОЛОД является продвижение бренда «Полоса холода» и выдвигание на арену имиджевого пространства символов-образов, связанных с северными

культурными текстами «Якутского Севера». Причем территориально разделяются свои бренд-коды, связанные с северными лошадьми. Так, можно отметить белоснежных колымских лошадей, мраморное мясо оймьконской лошади, верхоянскую жеребятину с оранжевым жиром, который нагуливают только на горной траве *чыыбаагы*, а также момских лошадей, которые, подобно горным козлам, гуляют по горным хребтам.

Свой звездный час переживает и образ мамонта/быка как олицетворение Холода / Зимы / Полюса холода. На их основе появляется новый мифологический образ – якутский дед мороз *Чысхаан* – и становится общенациональным зимним брендом всей России. Каждый год к властелину холода Чысхаану приезжает из Великого Устюга дед мороз, чтобы взять зимние символы нового года и зажечь первую новогоднюю елку России. Традицией становится и проведение зимнего фестиваля «Зима начинается с Якутии».

В последнее время концепт ХОЛОД становится главным брендом Якутии, привлекающим туристов со всего мира. Экстремальные условия Севера и его метафорические образы презентуются как показатель высшего качества и особой надежности. На этом фоне активно развивается бизнес-кластер как у местных, так и у китайских производителей. При этом трендом выступает использование в товарной марке терминов «Хоту», «Север» и «Таба – Олень»: «Хотугу танас, Хоту ас, Хоту тент, Таба танас, Таба-пант» и т.д. Особо ценятся балзамы и настойки из северных трав из-за содержания в них высококонцентрированных полезных веществ и компонентов. Косметическая линия, БАДы и алкогольные напитки из пантов оленя популярны не только у гостей, но и у самих якутян, поскольку известно, что панты северного оленя содержат около 80 биологически активных компонентов, нужных для поддержания здоровья человека. Панты северных оленей издревле ценились населением северных территорий как продукт для изготовления эликсира здоровья и молодости.

Однако следует отметить, что распространение только положительных и позитивных характеристик концепта ХОЛОД и субъективное отношение к самому понятию «холода» может привести и к непредвиденным ситуациям и трагедиям, которые, к сожалению, уже имели место быть.

Символический центр – место силы – сакральный ландшафт

Основными символическими центрами и «местами силы» у локальных групп этносов, как правило, выступают природные объекты, являющиеся «родовыми» и обладающие сакральным статусом «*ытык*». Их уважительно и почтительно называют общераспространенными терминами «*Эбэ*» (бабушка), «*Хотун*» (госпожа), «*Тойон*» (господин), которые входят в топонимическую номинацию священных алаасов, гор и озер/рек.

В зависимости от территории проживания, ландшафта у каждой локальной группы конструируются свои «места силы», доминантные символы пространства: у центральных якутов – луговые долины *алаасы*, у виллойских якутов – озера, а у северных якутов – горы.

Образ горы в мировоззрении якутов является самой насыщенной символической нагрузкой пространственной единицей, поскольку обладает амбивалентной сущностью. Горы обозначают периферийное место с отрицательной характеристикой и входят в ряд «опасных» мест, особенно у центральных и виллойских локальных групп. Дух *иччи* горы является самым грозным и обидчивым духом, в связи с чем по отношению к горным объектам утвердилось строгое табу: не смотреть в сторону гор, не указывать пальцем, вслух не говорить название горы, обязательное жертвоприношение при переходе через горный перевал и т.д. [1].

У северных якутов наблюдается иное отношение к горному ландшафту, которое берет свои истоки от архетипического образа Мировой горы, распространенного у южных предков народа саха. Это мы можем утверждать на основе мифологической характеристики образа горы.

Верхоянский хребт в древних преданиях указывается как *Толомон хайа*. Согласно переводу Э. К. Пекарского, термин «*толомон*» имеет два значения: 1. Происходит от слова «*толуу*» – отборный, степенный, полный. 2. «*Толомон дойду*» – лучшее, выдающееся, превосходящее другие место; «*толомон туона*» – самый центр, средоточие земли [8, стб. 2715]. Таким образом, в картине мира северных якутов образ горы соотносится с символической осью Вселенной и выступает как часть освоенного пространства [9].

Кроме того, в северных вариантах олонхо горы чаще всего выступают своеобразными каналами между миром небесных божеств и миром людей [1, с. 15].

В северных улусах каждое поселение имеет свою родовую гору, которую уважительно называют «*Эбэ хайа*» «Бабушка гора». Так, например, родовой горой всех верхоянских якутов считается гора *Ыннаах хайа*, которую почтительно называют «Мать гора». По свидетельству информантов, эта гора обладает огромной таинственной силой и окружена ореолом опасных легенд и преданий. Духа хозяйки горы удаганки *Ыннаах* (букв. «имеющая поклажу») особенно почитают и боятся ее неблагоприятности, поэтому не произносят вслух ее название и говорят *Аргаа таас* «Западный камень» [9].

В локальных мифах, связанных с родовыми (священными) горами, основное внимание уделяется табуированному поведению. Поскольку там находится сфера обитания духов предков, представителям других родов (особенно это касается приезжих) запрещалось подниматься туда, охотиться и даже смотреть косо в сторону горы. Кроме того, существовали и «опасные горы», связанные с мифогеографией шаманского мира [Там же].

Одним из локальных обрядов, присущих только горным якутам (верхоянским, оймьконским), является старинный охотничий обряд «*таас кыстаабыт*» «укладывание конического сооружения из камней», который также сопровождался обязательным жертвоприношением [Там же]. Реминисценции данного обряда восходят к древнему тюрко-монгольскому культу сооружения в виде конусообразных насыпей из камня *обоо, оваа* [10, с. 53].

Следует отметить, что только у северных якутов сохранилось обозначение горного ландшафта диалектным термином «*тыа*» (от тюрк.: *тау, таг, дау*). Оронимия же в основном имеет монгольский компонент.

Мифы самостояния

У северных якутов существует своя легендарная версия, согласно которой именно их территория является той ойкуменой, где проживают потомки «настоящих якутов», а потому является центром основного ядра культурной модели народа саха [9].

Северные якуты считают себя «*дьин саха*» ‘исконными якутами’ и отличаются знанием родословного древа, ведущим до первых якутских родов, насельников Севера. При этом самым раскрытым геокультурным символом выступает гора, благодаря которой складывается собранный образ «степенного, мудрого, спокойного, храброго северянина». По словам информантов, горный ландшафт сильно влияет на менталитет и восприятие пространства, поэтому даже выходцы из других районов, обосновавшиеся здесь, меняются в своем характере и даже во внешнем облике [Там же].

Кроме этого, горы выступают природным ориентиром, ядром ландшафта, точкой концентрации человеческого внимания и активности. «Мы никогда не заблудимся ни в какой местности, если на нашем обзоре будет находиться наша родовая гора», – утверждают все северные якуты. Все респонденты и информанты также отмечали и то, что гора дает им «*тирэх*» ‘жизненную подпорку’, поэтому в другом месте чувствуют себя незащищенными и уязвимыми. Кроме того, существует четко отлаженная схема распознавания людей по принципу «свой – чужой» и объединение по общему признаку «*биһиги хотулар*» ‘мы северники’.

Согласно негласному закону о круговороте жизни, гора, выступая как место упокоения предков, может рассматриваться и как даритель *кут*-души ребенка. В мифопоэтике северных якутов встречаются сюжеты, когда бездетные пары просят *кут*-душу ребенка у духа горы. Неслучайно северные якуты считают себя детьми родовых гор и говорят про себя «*хайа сахалара*» ‘горные якуты’ [Там же]. Следует отметить, что это самоопределение появилось совсем недавно и сейчас презентуется как один из признаков территориальной идентичности северных якутов.

С понятием «Север»/«Арктика» связано понятие полярного круга, полярной ночи и «белого» дня. Информанты акцентировали свое внимание на том, что не всем под силу пережить/воспринимать эту исключительную особенность северных/арктических территорий [Там же]. Таким образом, смысловой контекст метафоры «*хотугу хоһуун*» включает в себя и эмоциональную и психологическую устойчивость северного человека к природным и климатическим явлениям.

Сакральный ландшафт

Известно, что практически всякий локальный миф в разворачивании своего сюжета опирается на конкретные топонимы и географические реалии, которые затем обретают статус сакральных, особо почитаемых или опасных, inferнальных мест [3, с. 28].

Обширные территории, на которых расположены северные улусы, включают в себя целую сеть сакральных природных и историко-культурных объектов, имеющих непреходящую ценность для этнокультурного ландшафта народа саха (гора *Ыһынаах хайа*, озеро *Лабынкыр*, горячий источник *Сытыган-Сылба*, малотюркские писаницы, старинный город-призрак *Зашиверск*, спящий вулкан *Балаган Таас* и т.д.).

Следует отметить, что местное население многие сакральные места, связанные с родовой территорией своих предков, «прячет» от посторонних людей. Для них это не только место глубокого почитания, но также и источник жизненной силы, место приобщения к священному. Вот почему раньше не были известны широкой публике такие уникальные памятники природы, как, например, горы *Кисилых*. По словам информантов, горы *Кисилых* считаются «опасным» местом, поэтому местные жители боятся тревожить духа *иччи* местности. Данный запрет использовался в основном в отношении невесток и зятьев и до сих пор соблюдается местными жителями. Здесь следует отметить, что, согласно мировоззренческим представлениям, зять и невестка рассматриваются как посланцы «чужой территории» [9].

Между тем горы *Кисилых* стали бренд-инструментом не только для продвижения образа Верхоянья – полюса холода и северного края, – но и в имидж-конструировании образа всей Республики Саха (Якутия). В связи с этим назревает необходимость разработать новый подход к развитию этнического туризма и проработать новые представления о том, что есть сакральные ландшафты, как эти объекты могут использоваться в развитии туристического бизнеса. Так, сакральный ландшафт содержит в себе целый спектр глубинных смыслов и символических кодов, благодаря которым поверхность ойкумены для древнего человека представлялась как некая «живая карта».

Итак, географическое пространство «Север/Арктика» как уникальное место, имеющее в своем потенциале богатое историко-культурное наследие и этнокультурное пограничье, суровый климат и выразительный ландшафт, представляет собой устойчивую образно-географическую модель в контексте конструирования «территорий идентичности» у локальных групп северных якутов.

Таким образом, в результате изучения рассматриваемой темы выявлены следующие базовые структурные элементы, характеризующие реальное самосознание в плане локальной идентичности и конструирующие образ территории: локальная мифология, символический центр/место силы, мифы самостояния и сакральные места. На основе полученных данных составлен предварительный абрис территориальной идентичности северных якутов.

В символическом контексте проанализирован концепт СЕВЕР/ХОТУ, не только характеризующий географическое пространство, но и на пространственно-ментальной основе объединяющий всех насельников Крайнего Севера: северных тюрков – якутов и долган, юкагиров и тунгусов.

Выявлен также архетипический образ концепта СЕВЕР/ХОТУ, который был связан с бытийным кодом степных всадников и первоначально эксплицировал метафорические образы «счастья и богатства».

Благодаря некоторой изолированности от основных миграционных потоков и событий, происходящих в центральных районах, компактности расселения, северные якуты сохранили в локальной культуре архетипы пространственной памяти о родине южных предков. У северных якутов зафиксированы более широкие мифоритуальные значения, соотносимые с горными объектами, и обрядовые комплексы, связанные с почитанием духа *иччи* горы. Так, культ гор, широко распространенный в среде сибирских народов, становится одним из ключевых символов в уникальной пограничной культуре северных якутов.

Список источников

1. **Верхоянский сборник** // Записки Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества по этнографии. Иркутск, 1890. Т. 1. С. 3-34.
2. **Гурвич И. С.** Культура северных якутов-оленьеводов. К вопросу о поздних этапах формирования якутского народа. М.: Наука, 1977. 245 с.
3. **Замятин Д. Н.** Геокультурное пространство Арктики: онтологические модели воображения. М.: Канон, 2017. 504 с.
4. **Замятин Д. Н., Замятина Н. Ю., Митин И. И.** Моделирование образов историко-культурной территории: методологические и теоретические подходы. М.: Институт наследия, 2008. 760 с.
5. **Козырева П. М.** Современная конфигурация идентификаций и роль доверия в ее формировании // Социологические исследования. 2008. № 5. С. 29-39.
6. **Ксенофонтов Г. В.** Ураангхай сахалар. Очерки по древней истории якутов: в 2-х т. Якутск: Национальное издательство РС(Я), 1992. Т. 1. Кн. 1. 416 с.
7. **Кулаковский А. Е.** Научные труды. Якутск: Кн. изд-во, 1979. 484 с.
8. **Пекарский Э. К.** Словарь якутского языка: в 3-х т. М.: Наука, 1959. Т. 3. Вып. 10-13. 3858 стлб.
9. **Полевые материалы автора статьи, собранные в северных районах Республики Саха (Якутия) в 2012-2019 гг.**
10. **Содномпилова М. М.** Мир в традиционном мировоззрении и практической деятельности монгольских народов. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2009. 366 с.
11. **Сомоготто-Николаев С. И.** Происхождение народа саха. Якутск: Сахаполиграфиздат, 1995. 112 с.
12. **Ушницкий В. В.** Административно-территориальное деление и родовой состав якутов (XVII-XIX вв.) // Известия Иркутского государственного университета. 2015. Т. 14. С. 80-91.

The Sakha People's Territorial Identity: Images, Symbols, Metaphors

Danilova Nataliya Ksenofontovna, Ph. D. in History
*Institute for the Humanities Research and Indigenous Studies of the North
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk
dan_nataliksen@mail.ru*

The article examines the basic symbolic characteristics participating in the Northern Yakuts' territorial identity formation. The author analyses meta-geographical images, concepts and myths, which come out as the basic units describing the image of a certain territory. The findings have allowed the author to develop a basic conception of the Northern Yakuts' territorial identity. The conclusion is made that the concepts NORTH/COLD/MOUNTAIN serve as the key ethnic identity markers and as a basis of the Northern Yakuts' national and cultural narrative.

Key words and phrases: Northern Yakuts; identity; local cultures; sacral landscape; symbolic images.